

Линь Цзунцзе нализался в стельку.

Всё начиналось безобидно — они просто зашли перекусить шашлыками, но с каждым куском парня накрывало всё более мрачное, глухое раздражение. Пришлось глушить тоску пивом — бутылка за бутылкой. Пить он умел и на здоровье никогда не жаловался, но против такого отчаянного самоистязания любой организм был бессилен. Когда Хань Линь оглянулся на него, перед глазами Цзунцзе всё уже плыло и двоилось.

В голове шумело, как в пустом котле, и некогда чёткое лицо Хань Линя медленно расплывалось туманным пятном. Цзунцзе только-только занёс руку, чтобы окликнуть его, но парень лишь смерил его ледяным взглядом. Секунда — и Хань Линь уже рванул на себя дверцу такси, с грохотом захлопнул её и укатил прочь, не оставив ни единого шанса.

— Хань Линь! — из последних сил прохрипел Цзунцзе ему вслед.

Порыв холодного ночного ветра ударил в лицо, но хмель не разогнал — лишь усугубил головную боль. Цзунцзе тоскливо подумал: «Эх, Лин-Линь... Я же только-только набрался пьяной смелости, чтобы признаться тебе в любви. Как ты мог просто взять и уехать?» Коварные планы рухнули, так и не успев зародиться. В глазах резко потемнело. Земля ушла из-под ног, мир качнулся, и Цзунцзе мешком повалился на асфальт, окончательно проваливаясь в беспамятство.

К счастью, утро он встретил в собственной постели.

Минут десять ушло только на то, чтобы сообразить, где он и кто он. Сбитые колени и локти зашлись тупой болью, в висках набатом стучала кровь, отдаваясь резкими уколами в затылок. Одежда на нём была вчерашняя, пыльная, зато обувь кто-то аккуратно снял, а у кровати ровно, носок к носку, выстроил домашние тапочки. Школьный рюкзак сиротливо ютился на письменном столе, а к краю столешницы была приклеена розовая наклейка для заметок...

Твою мать.

— Хань Линь!

Скатившись с кровати, Цзунцзе пулей вылетел из спальни, едва не пересчитав собственными рёбрами ступеньки на лестнице со второго этажа. Однако, обыскав весь дом от подвала до чердака, он не обнаружил ни единой живой души — даже захудалого призрака.

Часы показывали половину двенадцатого дня. Вот она, расплата за глухую пьянку без заведённого с вечера будильника. Цзунцзе на секунду засомневался: а вдруг Хань Линь тут ни при чём и бросил его прямо на улице? Но, призвав на помощь «социалистические ценности»,

«диалектический материализм», «субъективный идеализм» и прочую заумную дребедень, в которой он не смыслил ни черта, Цзунцзе пришёл к единственно верному логическому выводу: кроме Хань Линя, проверить такое было просто некому.

Во-первых, предки сейчас укатили в другой город. Во-вторых, где найти ещё одного такого благодетеля, который подберёт пьяную тушу у школьных ворот, дотащит до дома, безошибочно определит нужный этаж, спальню, найдёт домашние тапочки, да ещё и заботливо прилепит розовую наклейку для заметок с напоминанием о домашке прямо на стол? К тому же последним, кого он видел перед тем, как отключиться, был Хань Линь. Сложив два и два, Цзунцзе окончательно убедился: его спаситель — тот, и никто иной.

Утвердившись в этой мысли, Цзунцзе, даже не вспомнив про рюкзак, вылетел на улицу, поймал первую попавшуюся попутку и помчался к Первой средней школе. План в его голове созрел мгновенно и отличался редким благородством: он был твёрдо намерен расплатиться с благодетелем собственным телом.

Трудно описать выражение лица Хань Линя, когда тот, бережно прижимая к груди стопку тетрадей, нос к носу столкнулся на лестничной площадке с нашим грозным «президентом». Цзунцзе являл собой зрелище неопишемое: помятый, всклокоченный, источающий густое амбре дешёвого перегара. Хань Линь брезгливо сморщил нос, раздраженно дернул бровью, после чего он выдал:

— Раз уж ты всё равно опоздал на полдня, мог бы хотя бы в душ залезть. Время бы не утянуло.

Но Цзунцзе было не до шпилек. Шагнув вперёд, он взволнованно выпалил:

— Мне нужно тебе кое-что сказать!

Хань Линь тут же отступил на шаг:

— Если ты про «спасибо», то избавь меня от этого.

Цзунцзе сократил дистанцию:

— Да при чём тут «спасибо»? Я про другие слова... Из трёх слов!

Хань Линь отшагнул ещё дальше:

— Слова «пошёл ты на» мне тоже не интересны.

— Да нет же!

Цзунцзе зажал его в углу лестничной клетки. Упёршись ладонями в стену по обе стороны от Хань Линя, он лишил того путей к отступлению. Физиономия у Цзунцзе в этот момент была наполовину восторженная, наполовину наглая, если не сказать — похотливая. Но Хань Линь остался верен себе: ледяное безразличие, высокомерный прищур и абсолютное презрение к происходящему.

Он безмолвно усмехался: «Ну давай, поглядим, какую глупость ты выкинешь на этот раз». Тетради в его руках служили надёжным щитом, не позволяя пьяному наглецу прижаться к нему вплотную. На самом деле Цзунцзе безумно нервничал. Сердце колотилось так яростно, словно вознамерилось пробить грудную клетку и выскочить наружу. Но, поймав взгляд Хань Линя, он сменил паясничество на предельную серьёзность:

— Давай встречаться? С меня — все расходы.

Хань Линь промолчал, лишь выразительно приподнял бровь.

— Буду возить тебя в школу и обратно, — горячо зачастил Цзунцзе. — Трёхразовое питание — на мне. Твои ручки, тетрадки, учебники, сборники тестов, карманные расходы — всё оплачу. Только кивни, и я гарантирую, что до конца дней твоих тебе не придётся тратить ни единого гроша на жизнь!

Цзунцзе подался вперёд, сокращая расстояние до опасного минимума. Хань Линю деваться было некуда — его спина и затылок плотно прижались к холодному кафелю стены, однако он по-прежнему не дрогнул. Лишь во взгляде промелькнуло нечто среднее между сомнением и любопытством. Словно он пытался понять: с какого перепугу этого придурка опять переклинило?

— Я серьёзно, — прошептал Цзунцзе. — Кажется, я по-настоящему в тебя втрескался.

Хань Линь выдавил короткий, сухой смешок:

— С какой стати?

— В смысле «с какой стати»? Что это вообще значит?

— С какой стати тебе меня любить?

— Я... — Цзунцзе на секунду растерялся от такой практичности. — Люблю — и всё тут. Какие тут могут быть условия?

— Ты думаешь, если разыграешь эту комедию, я разрешу тебе не сдавать домашку?

У Цзунцзе в голове моментально зароились вопросительные знаки. Прошло добрых пять секунд, прежде чем до его разгорячённого алкоголем мозга дошло, куда свернула мысль примерного отличника.

— Какая ещё домашка?! При чём тут вообще уроки...

— Домашнюю работу сдают все, — отрезал Хань Линь и попытался отпихнуть его локтем. — Можешь хоть признаваться в любви, хоть кольцо прямо здесь доставать — тетрадь на стол вынь да положи. Я наклеил наклейку для заметок на самое видное место. Даже не пытайся отмазаться, будто ничего не заметил.

— Да послушай же ты!

— Дай пройти!

Хань Линь толкнул его сильнее, Цзунцзе упрямо навалился в ответ. Завязалась нешуточная потасовка. Спор разжёл азарт, оба начали действовать всерьёз, применяя силу. В пылу борьбы стопка тетрадей выскользнула из рук Хань Линя и с шелестом разлетелась по полу. Но даже тогда Цзунцзе не отступил: он перехватил его тонкие запястья и мёртвой хваткой прижал их к стене над головой.

Воротник рубашки Хань Линя съехал набок, обнажив правую ключицу. И прямо под ней Цзунцзе застывшим взглядом наткнулся на багровый, отчётливый след от чужих зубов, окружённый заметной припухлостью.

— Это ещё... что? — Цзунцзе поднял на него ошарашенные глаза.

Видимо, его репутация неисправимого пошляка давала о себе знать, потому что Хань Линь мгновенно пошёл на попятную и резко бросил:

— Не смей ничего придумывать.

«Не смей придумывать»? На таком-то месте?! Наш великий «президент» годами только и делал, что строил из себя искушённого ловеласа. И пусть на практике его опыт стремился к нулю, зато в теории, подкреплённой гигабайтами отборного порно, он был магистром околосвященных наук. Не додумывать тут было просто выше его сил.

— Так эта Чжоу Цзинь... она правда твоя девчонка?

Хань Линь дёрнулся, пытаясь высвободить руки, но хватка Цзунцзе была железной. Раздражённо отвернувшись, он процедил:

— Нет.

— Тогда откуда, чёрт возьми, это художество взялось?

— А тебе-то какое дело?

— Прямое! Я вообще-то твой парень.

В глазах Хань Линя отчётливо читалось нецензурное «твою ж мать». Только врождённое воспитание и остатки выдержки удерживали его от того, чтобы не покрыть этого наглеца трёхэтажным матом.

— Парень? Какой ещё парень?! Ты бы ещё мужем моим выискался!

— Если ты так хочешь, можешь звать меня мужем. Я не против.

— Даю три секунды. Отпусти.

— Раз, два, три! И что ты мне сделаешь? Пока не выложишь всю правду про этот след, с места не сойдёшь. В класс ты сегодня не вернёшься.

От подобной наглости Хань Линь едва не рассмеялся — зло и беспомощно.

— Линь Цзунцзе, у тебя совесть есть? Или ты вообще не знаешь, что это такое?

— Не знаю, — гордо вскинул подбородок Цзунцзе. — Говори давай: откуда метина? Живо!

— У тебя дома камеры стоят, забыл? — огрызнулся Хань Линь. — Вот пойдёшь и посмотри запись.

— У меня дома?..

Хань Линь промолчал, вновь попытавшись выкрутить запястья.

Пока Цзунцзе переваривал услышанное, на его лице медленно расплылась широкая, откровенно дебильная и самодовольная улыбка.

— Это... это я тебя так приласкал?

— Ты придурок кончёный.

— Ну-ка, дай погляжу. Болит, наверное?

— Руки убрал!

Картина маслом: уличный гопник среди бела дня зажимает приличного мальчика. Хань Линь скрежетал зубами от ярости, но его отчаянные попытки защитить неприкосновенность своей одежды терпели крах под напором наглых пальцев Цзунцзе. Глядя, как лицо этого идиота выражает то фальшивое смущение, то неуместную серьёзность, то напускной гнев, а затем снова озаряется похотливым восторгом, Хань Линь просто терял дар речи. Он понятия не имел, какими словами вдолбить в эту дубину хотя бы зачатки приличия.

Они возились так долго, что оба взмокли от пота. Хань Линь упирался коленом в бедро противника, Цзунцзе намертво перехватывал его локти — со стороны эта возня больше всего походила на жестокую драку не на жизнь, а на смерть. Но в разгар этой борьбы Хань Линь вдруг обмяк и перестал сопротивляться. Лишившись опоры, Цзунцзе не удержал равновесия и всем телом ввалился в его объятия.

И тут до Цзунцзе дошло: вокруг воцарилась какая-то неестественная, прямо-таки гробовая тишина. Почуввав неладное, он заметил, что взгляд Хань Линя устремился куда-то за его плечо и наполнился неподдельным ужасом. Цзунцзе резко обернулся и замер.

На верхней площадке лестницы, сбившись в кучу во главе с Сун Чэном, стояла добрая половина их девятого класса. Ребята взирали на «драку» широко раскрытыми, полными шока глазами.

Инстинкт собственника сработал мгновенно. Цзунцзе резко заслонил Хань Линя широкой спиной и рывкнул на всю лестничную клетку:

— Пялитесь на что?! А ну брысь в класс, уроки начались!

Толпа испуганно замерла на секунду, а затем раздался дружный многоголосый гул:

— О-о-о, уходим, уходим!

Сун Чэн, как самый сообразительный, быстро замахал руками, уводя одноклассников с линии огня. Покуда Цзунцзе самодовольно ухмылялся, Хань Линь бесцеремонно пихнул его в бок, освобождаясь, и молча присел, собирая разлетевшиеся тетради. Цзунцзе тут же опустился рядом, помогая сгребать бумагу в стопки.

— Слушай, ну я же серьёзно. Давай попробуем?

— Эй, президент...

Не успел Цзунцзе закончить фразу, а Хань Линь — хотя бы поднять на него взгляд, как из-за угла снова робко высунулась голова Сун Чэна:

— Тут такое дело... Сегодня же медосмотр. Как раз наша очередь подошла.

Для убедительности он помахал зажатым в руке бланком медицинского осмотра.

Хань Линь собрал последние тетради, аккуратно выровнял стопку и, отстранив преграждавшего путь Цзунцзе, поднялся на ноги. Направляясь вверх по лестнице, он на ходу скомандовал Сун Чэну:

— Собирай всех и веди вниз. Как только заполните бланки, отнесите их старосте, пусть сразу сдаст в кабинет учителя Яна.

— Постой, Хань Линь! — Цзунцзе рванулся было следом, но Сун Чэн крепко ухватил его за локоть.

— Президент, остынь. Тебе тоже нужно пройти осмотр. Держи свой бланк.

Цзунцзе нехотя забрал бумажку и спросил, глядя вслед уходящему парню:

— А он что, косит? Почему Хань Линь не идёт со всеми?

— У нашего учебного старосты особый статус, школьный осмотр ему без надобности. Помнишь, он на прошлой неделе отпрашивался на весь день? Сказал, что ложится на обследование в городскую клинику. Он все документы уже напрямую руководству предоставил.

Цзунцзе вспомнил тот бесконечный день, когда он прождал Хань Линя до глубокой ночи. Так вот, значит, где тот пропадал — в больнице...

— Погоди, но почему медосмотр проводят после обеда? — нахмурился он. — Разве кровь не нужно сдавать натощак, с утра пораньше?

— Да кто у нас кровь-то брать будет? — хмыкнул Сун Чэн. — В школе максимум зрение проверят да в трубочку дадут дунуть — лёгкие померить. А у учебного старосты здоровье слабое, ему обследование посерьёзнее требуется, вот его и отправили в нормальный госпиталь.

— Понятно, — буркнул Цзунцзе.

Он посмотрел наверх, но Хань Линя и след простыл. Смирившись, он махнул рукой:

— Ладно, пошли сдаваться врачам.

— Ну ты и даёшь, президент, — покачал головой Сун Чэн, когда они зашагали по коридору. — Из-за какой-то несчастной домашки устроить такой концерт... Стоило так доводить бедного учебного старосту?

— Кто доводил? Я с ним вообще-то серьёзно говорил, без всяких шуток!

— Да ладно тебе прикидываться. Ты же специально решил разыграть этот фарс, чтобы его выбесить? Расчёт простой: он обидится, пошлёт тебя подальше и перестанет выбивать из тебя долги по тетрадкам. Признайся!

— Выбесить его? — Цзунцзе аж поперхнулся от такой трактовки своего душевного порыва.

— Ну да. Ты ему в любви признаёшься, а у него на лице крупными буквами написано: «Иди на хрен». Ты сам-то его реакцию видел?

— Видел, конечно. Он просто не поверил... Стоп, твою мать! А ты откуда знаешь, что я ему сказал? С какого момента ты подслушивал?

— Ну, примерно с того, как учебный староста спросил, с какой стати ты его полюбил.

«Ни хрена себе, застал самый финал!» — Цзунцзе опасно прищурился, мысленно прикидывая, в каком углу школьного двора удобнее всего прикопать этого слишком любопытного свидетеля.

Но Сун Чэн лишь тихонько прыснул в кулак. Вдоволь отсмеявшись, он вдруг посерьёзней и заговорщически прошептал:

— Президент, я тебе сейчас одну тайну открою. Только никому, ладно?

Цзунцзе насторожился.

— На самом деле... я ведь тоже по нашему учебному старосте сохну.